

Научная статья

DOI: 10.55959/MSU2073-2643-21-2023-4-140-157

ДИАСПОРЫ И МЕЖЭТНИЧЕСКАЯ КОНКУРЕНЦИЯ КАК ФАКТОРЫ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

М.А. Буданов

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация

budanov@sra.msu.ru

SPIN-код РИНЦ: 6885-1524

Аннотация. Изменение характера миграционных процессов на постсоветском пространстве, резкая асинхронность демографического поведения различных этнических групп и прочие современные факторы обостряют в обществе отношение к диаспоральным практикам. Главным мотивом сплочения диаспоры выступает этнофаворитизм. Можно трактовать и трайбалистские, и фамилистические предпочтения, имеющие место в коллективном поведении диаспор в современной России и характерные для традиционных обществ, как проявления «расширенного эгоизма». Эти предпочтения подрывают многоуровневую и чрезвычайно сложную систему обезличенного доверия в поликультурном обществе, снижают в целом качество его социального капитала. Сегодня мы сталкиваемся с очевидным противоречием в вопросе управления этнокультурным многообразием: с одной стороны, диаспоральная модель поведения в многонациональном обществе неизбежна, с другой, органы государственной власти, институты гражданского общества, СМИ не справляются с задачей нейтрализовать влияние диаспоральных практик на усиление межэтнической конкуренции в российском обществе.

Ключевые слова: гражданская нация, национально-культурная автономия, двойная лояльность, национальная идентичность, перекрывающая идентичность, этнокультурное многообразие.

Для цитирования: Буданов М.А. Диаспоры и межэтническая конкуренция как факторы этноконфессиональной напряженности в со-

Дата поступления в редакцию: 19.07.2023.

DIASPORAS AND INTERETHNIC RIVALRY AS FACTORS OF ETHNO-CONFESSIONAL TENSION IN MODERN RUSSIA

Budanov M.A.

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
budanov@spa.msu.ru

Abstract. The changing nature of migration processes in the post-Soviet space, the sharp asynchrony of the demographic behavior of various ethnic groups and other modern factors are aggravating society's attitude towards diaspora practices. The main motive for uniting the diaspora is ethnofavoritism. It is possible to interpret both tribalistic and familistic preferences, characteristic of traditional societies, as manifestations of "extended egoism." These preferences undermine the multi-level and extremely complex system of impersonal trust in a multicultural society and reduce the overall quality of its social capital. Today we are faced with an obvious contradiction in the issue of managing ethnocultural diversity: on the one hand, the diaspora model of behavior in a multicultural society is inevitable, on the other hand, government bodies, civil society institutions, and the media are not coping with the task of stopping the influence of diaspora practices on increasing interethnic competition in the Russian society.

Keywords: Civic nation, national-cultural autonomy, dual loyalty, national identity, overlapping identity, ethnocultural diversity.

For citation: *Budanov M.A.* Diasporas and interethnic rivalry as factors of ethno-confessional tension in modern Russia // Lomonosov Public Administration Journal. Series 21. 2023. Vol. 20. № 4. P. 140–157. DOI: 10.55959/MSU2073-2643-21-2023-4-140-157

Received: 19.07.2023.

Введение

Дилемма современной российской ситуации в вопросе управления этнокультурным многообразием заключается в параллельном существовании гражданской нации, с одной стороны,

и живучестью представлений о нормальности и неизбежности межэтнической конкуренции для народов России, с другой. Современное российское общество испытывает огромную идеологическую нагрузку в связи с разнонаправленными установками в области национальных отношений. Зачастую в среде многих этнокультурных сообществ отторгается (спонтанно или целенаправленно) идея российской гражданской нации из-за этнофаворитической заданности в деятельности этнокультурных организаций различных форматов и направленности. Необходимо четко понимать опасность гипертрофированного этнофаворитизма для общероссийского нацистроительства. Национальная идентичность — лишь один из многих ярусов личностной идентичности наряду с этнической, региональной, родовой, конфессиональной и др. В случае утраты интереса и доверия к комплексу общенациональной мифологии, индивид может спонтанно (либо управляемо) выдвинуть на первый план вместо этого яруса любой другой. Как следствие, будут деформироваться и неизбежно разрушаться невидимые глазу «соединительные ткани» гражданской нации. Деактуализация общенациональной гражданской идентичности легче всего происходит путем гипертрофирования идентичности этнокультурной или религиозной.

В то же время этничность — всегда неотъемлемая часть личности любого человека, важнейшее условие культурного воспроизводства общества. В полиэтническом обществе, когда представители многих этнокультурных сообществ проживают вдали от мест компактного расселения своих этнокультурных сообществ, важным фактором успешного сохранения этнокультурного многообразия служат национально-культурные автономии (далее — НКА). Согласно статье 1 ФЗ № 74 от 17.06.1996 под НКА следует понимать «объединение граждан Российской Федерации, относящих себя к определенной этнической общности, находящейся в ситуации национального меньшинства на соответствующей территории, на основе их добровольной самоорганизации в целях самостоятельного решения вопросов сохранения самобытности, развития языка, образования, национальной культуры, укрепления единства российской нации, гармонизации межэтнических отношений, содействия межрелигиозному диалогу, а также осуществления деятельности, направленной на социальную и культурную адаптацию и интеграцию мигрантов». Здесь же в 4 статье содержится важное уточнение, что «осуществление права на национально-культурную автономию не должно наносить ущерб интересам других этни-

ческих общностей». В соответствии со Стратегией государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. (Указа Президента РФ № 703 от 06.12.2018) деятельность НКА должна способствовать решению задач государственной национальной политики и деятельности по гармонизации межэтнических отношений.

В больших поликультурных сообществах, каковым является и российское общество, обращение этнических групп к использованию диаспоральных практик не только неизбежно, но и необходимо. Ряд исследователей полагают, что именно стремлением легализовать эти практики, по сути, уже к тому времени укоренившиеся в российском обществе, и было вызвано принятие формата НКА¹. По представлениям британских исследователей Е. Барабанцевой и К. Сазерленд диаспора в условиях западной версии мультикультурализма нацелена на оказание влияния на официальные и общественные структуры, т.е. преобладает внутренний вектор активности (диаспора преимущественно выступает как дополнительный институт социализации). Диаспора в современной России воспринимается как филиал исторической родины, т.е. господствует внешний вектор (диаспора преимущественно выступает как еще один канал «народной дипломатии»)². К конструктивным функциям диаспор можно отнести содействие своим членам в социализации и передача культурных достижений данного этнического сообщества от поколения к поколению. Однако возможны и деструктивные стороны деятельности диаспор: капсулирование этнических групп (проявляется в воспрепятствовании полной и качественной интеграции членов диаспоры в принимающее общество), мобилизация членов в условиях межэтнической конкуренции, лоббирование коллективных интересов в официальных структурах, в том числе на уровне правоохранительных органов. Именно поэтому в правоприменительной практике в нашей стране, а также в российском информационном пространстве необходимо четкое разграничение понятий диаспоры и НКА, подчеркивание несинонимичности и несводимости их друг к другу.

С точки зрения мировой практики НКА способствуют более качественной интеграции представителей этнокультурных сооб-

¹ Мурадян Л.О. Концепция национально-культурной автономии в постсоветской России // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2018. Т. 8. № 4 (43). С. 390.

² Barabantseva E., Sutherland C. Diaspora and citizenship // Nationalism and Ethnic Politics. 2011. Vol. 17. N 1. P. 7.

ществ в состав единой гражданской нации. У нас в России благодаря деятельности, прежде всего, региональных автономий углубляется взаимное распознавание этносов, преодолеваются негативные факторы стереотипного восприятия народов. Кроме того, НКА оказались незаменимым институтом культурного воспроизводства для представителей национальных меньшинств, оказавшихся вне пределов своей исторической родины или вне территорий компактного проживания своих соплеменников. В современной России многие НКА, как на региональном, так и на федеральном уровнях, закономерно заняли очень важную нишу структур гражданского общества с разветвленными горизонтальными сетями, навыками обезличенной солидаризации. Так, например, за время текущей СВО национально-культурными автономиями проведена среди своих членов масштабная разъяснительная работа, организована волонтерская деятельность, отправляется гуманитарная помощь для Донбасса и т.д.³

Несмотря на несомненную общественную пользу от деятельности НКА исследователи не первый год указывают и на имеющиеся серьезные проблемы в данной сфере. Так, К.Н. Калашников утверждает, что национально-культурным автономиям отведена второстепенная роль в реализации социально-культурного потенциала народов России, а анализ динамики регистрации и исключения из реестра НКА позволяет утверждать, что первоначальный энтузиазм в гражданской активности учредителей НКА сменился разочарованием, поскольку «...воспроизводить культурные традиции можно и без признания государственными органами формального статуса, а решение важных социальных проблем общины требует средств и специальных знаний»⁴. Отсюда неутешительная статистика «выживаемости» региональных и местных НКА — доля ликвидированных региональных НКА до 2020 г. в целом по федеральным округам колеблется в районе 20–22%, а для местных НКА эта доля уже достигает 37–44%.

И в информационном пространстве, и в научной среде распространено убеждение, что под словом «диаспора» следует по-

³ Открытое заявление лидеров Федеральных национально-культурных автономий и институтов гражданского общества в поддержку решений Президента Российской Федерации. URL: <https://национальнаяполитика.рф/news/all-news/otkryitoe-zaiavlenie-liderov-federal-nyikh-natsional-no-kul-turnyikh-avtonomii-i-institutov-grazhdanskogo-obshchestva-02-03-2022> (дата обращения: 31.10.2023).

⁴ Калашников К.Н. Национально-культурные автономии в современной России: проблемы представительства и эффективности // Вопросы территориального развития. 2020. Т. 8. № 3. С. 7.

нимать общественное объединение по этническому принципу, находящееся вне региона происхождения. Такая трактовка может считаться привычной, особенно учитывая степень изученности проблемы исторических диаспор в разных регионах мира, хорошо разработанную типологию, а также отечественные традиции межнационального взаимодействия. В нашей стране уже устоялась классификация на внешние диаспоры и внутренние, все чаще иначе называемые землячествами. Тем не менее актуальное состояние диаспоральных практик в России свидетельствует о серьезных осложнениях в этой области. Изменение характера миграционных процессов на постсоветском пространстве, резкая асинхронность демографического поведения различных этнических групп и прочие современные факторы обостряют в обществе отношение к диаспоральным практикам. Например, происходит очень опасная путаница, когда одними и теми же терминами обозначаются, с одной стороны, совершенно законные национально-культурные автономии меньшинств, заботящиеся о сохранении своей этнокультурной самобытности, духа и характера своего народа (в соответствии с содержанием и духом Федерального закона «О национально-культурной автономии» №74-ФЗ от 17 июня 1996 г.), с другой, группы влияния, образованные по этнокультурному признаку и пытающиеся оказывать давление на власти, лоббирующие свои хозяйственные интересы в ущерб остальному населению. К сожалению, не является исключением и деятельность отдельных национально-культурных автономий на территории различных регионов России. Вследствие подобного ошибочного восприятия диаспоры и землячества зачастую воспринимаются в нашем обществе в целом не как институты интеграции индивидов (в том числе мигрантов) в российскую нацию и не как инструменты по сохранению этнокультурного многообразия, а как субъекты межэтнической конкуренции.

В самом деле, в нелегких социально-экономических условиях граждане разных национальностей, оказываясь в инокультурном, иноязычном окружении, зачастую ищут поддержку среди собственных соплеменников, самоорганизуются, стремятся создать максимально комфортные социально-экономические условия, используя в том числе и диаспоральные связи. Однако диспропорции в этой сфере, излишняя общественно-политическая активность таких объединений, формализованных или неформальных, ведет к росту тревожности у основных групп населения, внушает уверенность в неравноправном положении граждан в зависимости от этнического происхождения.

Архаизация социального поведения под воздействием диаспоральных практик

Еще с 1980-х гг. рядом западных исследователей было обращено внимание на феномен архаизации общественных практик в Западной Германии в среде выходцев из Турции. Так, Мишель Л. Кан констатирует, что «турки в Турции, особенно более прогрессивно настроенные и проживающие в крупных городах, таких как Стамбул, иногда могут иметь несколько негативное отношение к туркам в Германии, в частности, к потомкам первых турецких гастарбайтеров, из-за их в целом более консервативных/исламистских политических взглядов, иногда их называют “немецкие турки”. Иногда их рассматривают как “недостаточно ассимилированных немцами, но чрезмерно ассимилированных турками на родине”»⁵. Можно предположить, что, находясь в инокультурной среде, некоторые турецкие общины особенно активно стремятся сохранить свою религиозную и этническую идентичность. В этом стремлении они стихийно задействуют самые жесткие формы самоопределения, не только порой отторгая варианты интеграции, предлагаемые новой родиной, но и подавляя стремление к аккультурации среди более открытых собственных соплеменников. Здесь проявляется своего рода коллективный «инстинкт самосохранения». Сопоставляя этот материал о турецкой диаспоре в современной Германии с имеющимися данными о поведении в странах-лидерах ЕС других иммигрантских сообществ (арабского, афганского и т.д.) допустимо предположить, что подобная архаизация социального поведения может иметь универсальный характер. В.В. Наумкин заключает: «Парадоксально, что новые мухаджиры (добровольно или вынужденно переселившиеся) зачастую приходят к выводу, что они могут свободнее исповедовать ислам в немусульманской стране, в которую они переехали жить, чем на своей родине, поскольку царящие там порядки и нравы не представляются чисто исламскими»⁶.

Тем интереснее было бы рассмотреть данный аспект в сравнении с уже имеющимся российским опытом. Подчас в отечественной научной литературе на обозначенную тему можно встретить пред-

⁵ Kahn M.L. *Between Ausländer and Almançı: The Transnational History of Turkish-German Migration* // University of Richmond. UR Scholarship Repository. History Faculty Publications. Spring. 2020. P. 53.

⁶ Наумкин В.В. *Мусульманская диаспора на Западе: дифференциация, конвергенция, гибридизация?* // Международные процессы. 2010. Т. 8. № 2 (23) Август. С. 6.

ставление об этнических диаспорах как о проявлении социального капитала, об общественном институте, характеризующимся высоким уровнем доверия. Более того, якобы диаспора способствует развитию в обществе навыков обезличенной солидаризации и являет собой развитый институт гражданского общества, необходимый для нормального культурного воспроизводства в полиэтническом обществе⁷. Однако реальные этнокультурные процессы в современном российском обществе показывают, что в действительности дело обстоит совершенно противоположным образом. Главным мотивом сплочения диаспоры выступает этнофаворитизм. Можно трактовать и этнофаворитические (как вариант, трайбалистские), и фамилистические предпочтения, характерные для традиционных обществ, как проявления «расширенного эгоизма». Сами по себе эти предпочтения подрывают многоуровневую и чрезвычайно сложную систему обезличенного доверия в поликультурном обществе, снижают в целом качество его социального капитала. Диаспоральные связи и сети параллельны основному обществу, способствуют архаизации отношений внутри этнических групп, принуждают своих членов к политике этнофаворитической избирательности. Тем самым диаспоры и землячества способствуют усилению межэтнической напряженности в нашей стране, особенно в крупных городах, где имеется обостренная конкуренция на рынке труда — и это всего лишь один из многих аспектов озвученной проблемы, — а коренное население (прежде всего, русское) предельно урбанизировано, живет нуклеарными семьями и, как правило, давно утратило навык традиционных фамилистических связей⁸. Следовательно, успешно участвовать в межэтнической конкуренции эта часть населения не в состоянии.

Таким образом, сегодня мы сталкиваемся с очевидным противоречием в вопросе управления этнокультурным многообразием: с одной стороны, диаспоральная модель поведения в поликультурном обществе неизбежна в принципе, с другой, органы государственной власти, институты гражданского общества, СМИ не справляются с задачей купировать влияние диаспоральных практик на усиление межэтнической конкуренции в российском обществе. И это далеко не единственная нестыковка в объяснении института диаспоры. Например, в специальной литературе

⁷ Захарян И.Э. Социальный капитал как концепция исследования современной диаспоры // Вестник СГТУ. 2012. Т. 4. № 1 (68). С. 230.

⁸ Трофимова Е.Л. Влияние диаспор на развитие межэтнических отношений // Сибирский психологический журнал. 2005. № 21. С. 52.

мы встречаем множество указаний на полезность диаспоральных практик в деле интеграции мигрантов, и в то же время сами представители этнических групп, образующих диаспоры и землячества в различных регионах РФ, свидетельствуют, что подобные неформальные объединения накладывают на своих членов дополнительную нагрузку (денежные отчисления от личных доходов, трата личного времени на выполнение определенных обязательств перед своими группами и многое другое). В индивидуальном отношении это еще большой и совсем несправедливый вопрос — что больше, дает или забирает такая община у рядового труженика, ибо сами представители таких этнокультурных сообществ оказываются заложниками диаспоральных связей, параллельных общегражданским нормам общежития. Можно констатировать, что подчас имеющая место в российской действительности искусственная консервация диаспорального уклада препятствует дальнейшей качественной модернизации российского общества, как внесловного, открытого и светского.

«Естественность» диаспорального режима для многонационального государства и общероссийская национальная идентичность

В отношении многих этнокультурных сообществ, проживающих на территории России, действительно можно сказать, что их диаспоральный режим взаимодействия сложился давно, а также что он вследствие исторических условий закономерен и уже традиционен. Но при этом не снимается вопрос об укреплении общероссийской гражданской идентичности, которую мы в соответствии с основами государственной национальной политики уже привычно именуем *перекрывающей идентичностью*. Подразумевается, что этнокультурная принадлежность, использование родного языка, воспитание подрастающего поколения в традициях своего народа отнюдь не вступают в противоречие с принадлежностью к российской гражданской нации. И в связи с этим чрезвычайно важно разграничить функции диаспоры, как спонтанно сложившейся общности на почве этнического происхождения, и задачи прочих социальных институтов, поскольку на практике землячества и диаспоры в России часто вмешиваются в сферы, параллельные культурной жизни. Так, согласно результатам недавних опросов среди российских граждан армянского происхождения, выявляется вполне привычная модель взаимодействия внутри диаспоры: ее члены объединяются не только в

рамках культурных вопросов, но и для решения социально-экономических задач — трудоустройство, проживание, медицинское обслуживание, наконец, силовая поддержка в конфликтных ситуациях⁹. Здесь следует пояснить, что при обращении к теме диаспор в соответствующей литературе часто повторяется тезис об укорененности диаспорального режима существования у ряда этнических групп. В частности, утверждается о возникновении классических диаспор, самое позднее, в античную эпоху. Однако в действительности тип классической диаспоры относится в основном к еврейскому и армянскому рассеянию (реже к этому ряду причисляют еще и греческую диаспору)¹⁰, т.е. настаивать на абсолютной универсальности диаспоры в истории человечества со времен глубокой древности оснований мало.

Еще запутанней данная проблема будет выглядеть, если мы соберемся переносить представления о диаспорах на почву постсоветских государств, где наслоились многочисленные результаты экспериментов национально-государственного строительства и попытки воплощения лозунгов интернационализма при СССР. Возьмем на себя смелость утверждать, что идея принятия закона «О национально-культурной автономии» в 1996 г. во многом была вызвана стремлением легализовать стихийный процесс сплачивания диаспор и землячеств в тяжелейших социально-экономических условиях перехода к рыночной экономике, а также перенаправить этот процесс в русло культурной политики. Интернациональное советское общество сначала активно географически перемешивалось (служба в армии, система распределений после вузов и т.д.), а после перестройки стало активно раскалываться по многим параметрам. Отсюда и трепетное отношение у большинства этнокультурных сообществ к своей коллективной памяти, и возрождение этнофаворитических практик в 1990-е гг. Что особенно важно понимать, российское законодательство не дает оснований для смешивания и отождествления понятий национально-культурной автономии и диаспоры. В тексте Федерального закона №74-ФЗ «О национально-культурной автономии» сказано, что НКА — это форма национально-культурного самоопределе-

⁹ *Осадчая Г.И., Киреев Е.Ю., Вартанова М.Л., Рославцева М.В.* Социальная сплоченность армянской диаспоры в России: теория и практика измерения // Социологическая наука и социальная практика. 2022. Т. 10. № 2. С. 92.

¹⁰ *Авдашкин А.А.* Глобальные и локальные диаспоры // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2018. Т. 2. Вып. 4. С. 419.

ния, представляющая собой объединение *граждан* России. Под диаспорой же всегда понимается группа этнически близких людей вне зависимости от их гражданского статуса. На деле это означает, что согласно нашему законодательству иностранные граждане, будь то студенты, туристы или трудовые мигранты, не могут создавать какие-либо официальные общественные организации в нашей стране, тем более по этническому признаку. А на защите их законных интересов стоят дипломатические ведомства соответствующих государств, обязанные действовать в поле международного права. В то время как национально-культурная автономия в России — регионального или федерального уровня — нужна для сохранения и развития родного языка, культуры, возможности образования на родном языке, и никак не для лоббизма этно-клановых интересов на уровне государственных органов, не для поддержки своих групп предпринимателей в условиях экономической конкуренции. Тем не менее в реальной российской жизни мы часто видим расхождение с обозначенным принципом. К примеру, председатель совета структуры под названием «Узбекская национально-культурная автономия в городе Москве» Б.Б. Исмаилов, между прочим, официально представляющийся как **«лидер узбекской диаспоры в России»**, публично признает, что работа по линии трудовой миграции (например, юридическая консультация и поддержка) входит в сферу ответственности их автономии¹¹. При этом на самом деле в законе № 74-ФЗ о НКА словосочетание «трудовая миграция» отсутствует. Есть понятие социальной и культурной адаптации и интеграции мигрантов, т.е. культурной интеграции тех людей, которые приехали в Россию и хотят стать ее гражданами. Для трудовой миграции, которая чаще всего маятниковая, вопрос интеграции не стоит, ибо трудовые мигранты-иностранцы не связывают свое индивидуальное будущее с будущим нашей страны, следовательно, и интегрироваться в российское общество в перспективе не собираются. Если, допустим, актуальное законодательство или правоприменительная практика не обеспечивают в должной мере их социальные и экономические права — это не проблема *культуры*, это правовая проблема.

Само по себе восприятие некоторыми группами граждан российского социального и хозяйственного пространства как внешней среды, как объекта освоения в контексте клановых трайбалистских интересов должно вызывать беспокойство. Но это далеко не

¹¹ Нужны ли мигранты в России? Ответ Сергею Михееву. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=8vxEUllsck&t=20s> (дата обращения: 31.10.2023).

единственный аспект обозначенной проблематики. Так, А.С. Ким подтверждает, что «явление диаспоры вызывает множественную идентичность, которая должна оформляться в соответствующих политических практиках и тем самым порождает проблему *политизации* [выделено мной — М.Б.] культурных различий»¹². Современный отечественный опыт диаспоральной политики подсказывает, что неоднозначность самоопределения индивида в контексте его этнической диаспоры решающим образом влияет на его лояльность к обществу в целом, к российской гражданской нации. Другими словами, особая опасность для межнационального согласия и мира в нашем обществе заключается в проявлении фактора двойной лояльности в общественной активности диаспор. К сожалению, стало нормой, когда складываются объединения граждан определенной этнической принадлежности с официальной символикой и флагами «исторической родины» (как вариант, «страны исхода»). Подобная практика способствует распространению и закреплению двойной лояльности. В свою очередь прямым следствием такого искажения национальной идентичности части российского общества оказывается рост недоверия к этническим группам, склонным к диаспоральным формам сплочения, со стороны остальных групп населения. Дискредитируется концепция общероссийской перекрывающей идентичности, а взамен навязывается идентичность в русле этнофаворитизма.

Межэтническая конкуренция в политике диаспор как угроза национальному государству

Идентичность индивида всегда многоярусна и многосоставна, и в самоопределении гражданина России, как правило, присутствуют и этнокультурный, и конфессиональный компоненты. Для нормального существования и развития российского общества важно, чтобы эти компоненты находились в правильном соотношении. Региональная или этническая идентичность не должна перекрывать или, тем более, отменять принадлежность к российской гражданской нации. Тем не менее, именно это часто происходит с этническими ячейками в России, принимающими вид диаспор и землячеств. Подобно турецким ячейкам в Германии такие структуры на российской почве стремятся подчинить индивида — потенциального члена диаспоры коллективным интересам, используя для этой цели его естественное этнокультурное самоопределение.

¹² Ким А.С. Диаспора как термин этнополитологии // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2008. Сер. 6. Вып. 3. С. 140.

Когда формат диаспоры привычен и устойчиво воспроизводится, указанное подчинение происходит быстро и не вызывает у членов общины какого-либо протеста или противодействия. Названные коллективные интересы диаспоры категорически не совпадают с аккультурацией и интеграцией в российскую нацию, а вот как идеологическая основа для этнической мобилизации годятся вполне. Складывается порочная практика, когда и существование этнических общин в формате диаспоры — норма, и ими выработанные навыки этнической мобилизации — норма. Наконец, начинает считаться нормой и состояние конкуренции между различными этническими группами. Российская специфика данных процессов состоит еще и в том, что диаспоры, с одной стороны, могут мимикрировать под легальные национально-культурные автономии, с другой, провоцируя и усиливая межэтническую конкуренцию в нашем обществе, они же стараются дублировать официальные структуры, стремятся «вырастить» свои собственные «силовые структуры». В частности, в этом контексте можно рассматривать проблему распространения так называемых этнических ММА-клубов (в том числе подпольных)¹³.

Примеров того, как разного рода этнокультурные активисты «путают» национально-культурную автономию с группой влияния на просторах России, к сожалению, предостаточно. Так, с 2018 по 2020 гг. глава узбекской национально-культурных автономии Воронежской области активно участвовал в легализации пребывания в РФ незаконно находившихся здесь граждан Узбекистана: у мигрантов фиктивно принимали экзамены на владение русским языком, знание истории России и основ законодательства России. На основании результатов экзамена выдавались сертификаты государственного образца, необходимые для получения разрешений на временное проживание в РФ, вида на жительство и разрешений на работу¹⁴. В 2015 г. глава национально-культурных автономии азербайджанцев Подмосковья был уличен в расхищении денежных средств гранта «Россия глазами турецких и азербайджанских

¹³ Бойцы клубов для мигрантов мечтают быть Хабибами, а становятся бандитами // Комсомольская правда. 12 февраля 2019. URL: <https://www.msk.kp.ru/daily/26940/3991798/> (дата обращения 31.10.2023); Почему этнические клубы ММА хотят закрыть? // This is Бокс. 11 декабря 2021. URL: <https://dzen.ru/a/YbOzhb8V4SrRY1HF> (дата обращения: 31.10.2023).

¹⁴ Представители узбекской общины организовали канал нелегальной миграции в Воронежской области. URL: <https://portalvoronezh.ru/news/proisshestviya/predstaviteli-uzbekskoi-obschiny-organizovali-kanal-nelegalnoi-migracii-v-voronezhsko.html> (дата обращения: 31.10.2023).

школьников», который был выделен фонду «Русский мир»¹⁵. Это, разумеется, эксцессы, но информационный эффект от подобных историй радикальным образом искажает восприятие концепции НКА в российском обществе. Немало эпизодов, которые следовало бы отнести к категории примеров этнической мобилизации. Можно вспомнить неоднозначную резонансную историю в Новосибирске в 2021 г., когда представители «Местной азербайджанской национально-культурной автономии г. Новосибирска» заявляли о немотивированности действий сотрудников полиции в инциденте с попыткой задержания Векила Абдуллаева и его спутников, а отдельные представители азербайджанского этнокультурного сообщества пытались оказывать прямое давление на правоохранительные органы, осуществлявшие следственные мероприятия по данному делу¹⁶. Подобной активностью представители НКА наносят громадный ущерб межэтническим отношениям, дискредитируют формат национально-культурной автономии. Нарушаются основополагающие принципы равенства граждан России, когда россияне определенного этнического происхождения в любых жизненных или правовых обстоятельствах могут рассчитывать на поддержку неких этнических структур, помимо общегражданской правовой практики.

Даже те из российских этнокультурных сообществ, которые ранее не стремились к образованию устойчивых диаспоральных структур, противопоставляющих себя остальному обществу, в итоге вынуждены идти тем же ошибочным путем. А вот как формулирует некоторые цели общественной деятельности своей организации руководитель Азербайджанской НКА Новосибирска Р. Бабаев. Корреспондент: «— Получается, что люди в диаспоре пытаются все спорные вопросы или криминальные ситуации решить между собой? Так эффективнее?» Р.Б.: «— Конечно. Если такие ситуации возникают, у нас больше информации и внутренних рычагов влияния на известных нам людей. А те, кто сидят в кабинетах, обложившись бумагами, как правило, не имеют исчерпывающей информации. А им надо кого-то наказать. ... Чиновники и правоохранители должны знать, что в России действует один закон для всех, но есть

¹⁵ Глава Азербайджанской диаспоры Подмосковья арестован за мошенничество. URL: <https://life.ru/p/977717> (дата обращения: 31.10.2023).

¹⁶ Как азербайджанская диаспора живет по принципам «лихих 90-х» в Новосибирске // «Новые Известия». 28 июня 2021 г. URL: <https://newizv.ru/news/society/28-06-2021/kak-azerbaydzhanskaya-diaspora-zhivet-po-printsipam-lihix-90-h-v-novosibirske> (дата обращения: 31.10.2023).

и другие инструменты для достижения справедливости и спокойствия в автономиях [выделено мной. — М.Б.]»¹⁷.

Другим, вполне ожидаемым эффектом от подобной диаспоральной политики некоторых этнокультурных сообществ становится рост недоверия к этническим общинам в целом, дискредитируется официальная концепция управления этнокультурным многообразием. Вот некоторые примеры «кулуарных» реплик 2023 г. от коллег-управленцев касательно «диаспоральной» деятельности на территории Сибирского и Южного федеральных округов:

1. «Ежегодно руководство Республики Дагестан направляет большую делегацию в регионы Сибири для встреч с дагестанцами. После чего появляются деструктивные идеи — вроде создания отдельной религиозной организации для дагестанцев или строительства отдельной мечети и т.д., что как раз способствует возникновению межэтнической конкуренции. Сколько раз из регионов сигнализировали, что такие поездки по регионам контрпродуктивны, но в этом году опять такая поездка запланирована и приурочена к рождению пророка Мухаммада, причем инициирует опять Правительство Дагестана. Что делать в этой ситуации?».

2. «Практически такую же работу проводят на территории регионов РФ официальные структуры иностранного государства — Республики Таджикистан. Встречи с гражданами их представителей вроде и открыты, но все на таджикском языке, наши НКА они воспринимают именно как *свою* диаспору».

Заключение

В основе проблем, связанных с восприятием диаспор в России, лежит ложное понимание их природы и функций. Зачастую диаспоральные практики инспирируют межэтническую конкуренцию на уровне отдельных территориальных общин. В то же время диаспора — дополнительный формальный институт для индивида. Диаспоральный режим в силу своей этнофаворитической природы подталкивает российское общество к некоей стандартизации коллективного поведения в процессах, слабо контролируемых государством (народы — разные и по численному составу, и по степени компактности проживания, а диаспоры в России часто создаются

¹⁷ Виленский В. Национальные диаспоры Новосибирска: азербайджанцы // Новосибирские новости. 22 сентября 2012. URL: <https://nsknews.info/materials/natsionalnye-diaspory-novosibirska-azerbaydzhantsy-126315/> (дата обращения: 31.10.2023).

и действуют по общему формату). Кроме того, этнические ячейки во многих регионах РФ капсулируются, противопоставляют себя основной части российского общества. Поэтому федеральным и региональным властям необходимо внимательно отслеживать идейные установки в деятельности национально-культурных автономий, пропагандировать и поощрять внедрение в содержание их работы концепцию общероссийской перекрывающей идентичности.

Единственным верным путем развития национально-культурных автономий должно быть четкое следование юридическим требованиям их функционирования. Прежде всего, необходимо четко развести в российском информационном пространстве понятия «диаспора» и «национально-культурная автономия», противопоставить диаспоральному формату существования этнических ячеек законный статус общественных объединений для сохранения родного языка и культуры. Диаспоры и землячества ни в коем случае не должны замещать собой или дублировать общие социальные институты, тем более вступать во взаимодействие с правоохранительными органами, например, при осуществлении следственных мероприятий в качестве субъектов-представителей интересов индивидов по этническому признаку. Региональным и местным органам власти необходимо подталкивать уже сложившиеся национально-культурных автономии к качественной аккультурации членов (не ассимиляции!), т.е. создавать условия для формирования у представителей этнокультурных меньшинств общероссийской, перекрывающей идентичности. Положительный опыт подобной работы во многих регионах имеется.

В.А. Тишков справедливо предостерегал еще в позапрошлом десятилетии: «Процесс “диаспоризации всей страны” должен быть остановлен. Граждане государства, проживающие на его территории, не могут считаться диаспорой, как не являются диаспорами татарская или чеченская общины в Москве. Иначе нам придется причислить к диаспорам половину населения страны»¹⁸. Исходя из этих предостережений можно сделать вывод, что диаспора в России есть не только вынужденный режим существования для жестко самоопределившихся этнокультурных групп, но и результат отрицания России как своей родины. Активное распространение диаспоральных практик оказывается дополнительным фактором разобщения и раскола в обществе. На фоне задач по общему укреплению единой политической культуры диаспоры категорически не

¹⁸ Тишков В.А. Этнология и политика: Статьи 1989–2004 гг. М., 2005. С. 357.

должны подменять собою государство, а у национально-культурных автономий и в уставах, и на практике должен быть четкий функционал в соответствии с законом.

Литература

Авдашкин А.А. Глобальные и локальные диаспоры // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2018. Т. 2. Вып. 4. С. 418–425.

Аршин К.Ф. Институты гражданского общества как агенты регулирования миграции // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2019. № 9 (5). С. 120–124.

Захарян И.Э. Социальный капитал как концепция исследования современной диаспоры // Вестник СГТУ. 2012. Т. 4. № 1 (68). С. 230–236.

Калашиников К.Н. Национально-культурные автономии в современной России: проблемы представительства и эффективности // Вопросы территориального развития. 2020. Т. 8. № 3. С. 1–20.

Ким А.С. Диаспора как термин этнополитологии // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2008. Сер. 6. Вып. 3. С. 133–141.

Мурадян Л.О. Концепция национально-культурной автономии в постсоветской России // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2018. Т. 8. № 4 (43). С. 386–394.

Наумкин В.В. Мусульманская диаспора на Западе: дифференциация, конвергенция, гибридизация? // Международные процессы. 2010. Т. 8. № 2 (23) Август. С. 4–14.

Осадчая Г.И., Киреев Е.Ю., Вартанова М.Л., Рославцева М.В. Социальная сплоченность армянской диаспоры в России: теория и практика измерения // Социологическая наука и социальная практика. 2022. Т. 10. № 2. С. 87–104.

Останин-Головня В.Д. «Евроислам» и проблема адаптации мусульманских диаспор в ЕС // Россия и мусульманский мир: научно-информационный журнал. 2023. № 3 (329). С. 108–120.

Табасаранский Р.С. Миграция в современном мире: трансформация из социального явления в социальный институт // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2023. № 2 (46). С. 76–89.

Тишков В.А. Этнология и политика: Статьи 1989–2004 гг. М., 2005.

Трофимова Е.Л. Влияние диаспор на развитие межэтнических отношений // Сибирский психологический журнал. 2005. № 21. С. 50–53.

Черевичко Т.В. Диаспора как институциональная структура современного общества // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22. Вып. 2. С. 155–159.

Barabantseva E., Sutherland C. Diaspora and citizenship // Nationalism and Ethnic Politics. 2011. Vol. 17. N 1. P. 1–13.

Kahn, Michelle Lynn. Between Ausländer and Almani: The Transnational History of Turkish-German Migration // University of Richmond. UR Scholarship Repository. History Faculty Publications. Spring. 2020. P. 53–82.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Буданов Максим Александрович — кандидат исторических наук, доцент факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; *e-mail*: budanov@spa.msu.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Budanov M. — PhD, Associate Professor, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation; *e-mail*: budanov@spa.msu.ru